

КРАСНЫЙ БИЛЕТ КОМСОМОЛА

Бюро Центрального Комитета комсомола постановило начать обмен комсомольских билетов с 1 марта этого года.

В более полном объеме комсомольского билета — прозвище Владимира Ильича Ленина. Для всех 130 миллионов советских людей, прошедших школу комсомола, это означало, что все свои дела и свершения они сверяли с заветами вождя.

На красивой обложке нового комсомольского билета тоже изображен Владимир Ильич. Комсомолец и дальше будет идти по пути, указанному вождём революции, нашей партии.

Обмен комсомольских документов — важное событие в жизни каждого комсомольца, каждой комсомольской организации.

ПИОНЕРСКИЕ ВЕСТИ

Как выполнят дружины и отряды Назказ XVII съезда ВЛКСМ! На этот вопрос пионеры дружины имени Пухова 1-й школы города Калуги сообщили, что проведут сбор документов, на котором они разработали комсомольские организации школы о делах на Марше «Всегда готов!». Комсомольцы похвалили работу пионерских отрядов.

На слёте праводлановых отрядов города Канска обсуждали один важный вопрос: как пионерские дружины города готовятся к празднику «Салют, Победа!». Трудовые пионерские вахты и десанты, поиск, рукописная книга «Слава новым героям» — это лишь часть дел, о которых говорилось на слёте.

«Маленькие да удаленькие» — смеётся всякий о пионере. Да ещё красна иг! 38-й пионерской школы, Увая, что каждый пионер отряда участвует в операции «Миллион — Годичей», собрал по 181 килограмму макулатуры, а все вместе 6.700 килограммов. Отряд-чемпион был награждён поездкой в город-герой Волгоград.

ГЛАВНОЕ ОРУЖИЕ

Есть у Советской Армии одно грозное оружие, которого больше всего боятся враги нашей Родины. Название ему — коммунистическая убеждённость советских воинов.

В гражданскую войну наша армия побеждала врагов, не смотря на их численное превосходство и лучшее вооружение. Белые генералы и иностранные интервенты удивлялись: «В чём дело? А удивляться было нечему. Сила нашей армии, созданной партией Ленина, преаде всего в том, что, в её первых рядах были коммунисты.

Коммунист знает: счастье рабочего, крестьянина, всего народа — самая большая правда, какая есть на земле. За эту правду не жалко отдать все силы и даже жизнь. Поэтому он

Генерал-полковник Г. СРЕДИН, первый заместитель начальника Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота

самый храбрый, стойкий, дисциплинированный боец, до конца предан Родине, только ненавидит врага. В годы гражданской войны про него говорили: «Коммунист вступает в бой первым, он всегда там, где труднее». В тяжёлых боях Великой Отечественной войны, в самые трудные минуты боевой обстановки часто раздавался команда: «Коммунисты, вперёд!» Коммунисты вставали и шли на врага, а за ними потновались бесстрашные бойцы вся рота, батальон, полк. И побеждали.

Многие из вас видели в музеях пробитые пулями партийные билеты коммунистов-воинов. Наш народ хранит их как яркое свидетельство бесстрашия, стойкости сынов партии, как память об их беспримерной подвиге в боях с фашизмом.

Сейчас Советская Армия и Флот владеют мощным, совершенным оружием. Они способны вести действия в любых условиях, в любой обстановке, в любой обстановке агрессора на земле, в воздухе и на море. И по-прежнему самым надёжным наше оружие, которое никогда не даст осечки, — это преданность воинов идеалам коммунизма, стойкость коммунистов, стоящих в первых рядах Вооружённых Сил. С таким оружием наша армия и флот непобедимы.

Пионерская ПРАВДА

ОРГАН ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕОБЩЕЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

Год издания 50-й | № 15 [5910] | Пятница, 21 февраля 1975 г. | Цена 1 коп.

ИМЕНИ «ПИОНЕРСКОЙ ПРАВДЫ»

Водитель трамвая объявил на остановке: — Улица «Пионерской правды».

Многие пассажиры удивились. Из вот ребята, которые похоронились в бою в первые 81-й школы, об этом знают. На двух они были участниками большого праздника, который состоялся у Дома культуры, автомобильной улицы 30-летия ВЛКСМ, а здесь открыта улица «Пионерской правды».

На пионерском митинге присутствовали партийные и комсомольские руководители, строители журналисты, юнiores. Присутствие исполкома Кировского райсовета Владимир Николаевич Кременецкий рассказал о новой улице. Скоро она будет одной из красивейших в Красноярске. Выростут на ней новые многоэтажные дома, большая новая школа, детский клуб, пионерский автодом.

Пионеры благодарят Красноярский горсовет, строителей.

И вот разрезана алая лента. Тысячи пионеров прошли по своей улице. Вместе со строителями они украсили табличку на одном из строящихся домов и обещали: будет улица «Пионерской правды» улицей нашей заботы и наших дел, на которые не раз поведёт нас газета.

А. АНУФРИЕВ. (Нам неперсонифицирует.)

г. Красноярск, Кировский район.

ПРАЗДНИК ВАШ — НАШ ПРАЗДНИК

К юбилею «Пионерской правды» мы начали готовиться давно. Первым делом решили оформить выставку, посвящённую «Пионерке» и двадцати семи её сестрам — газетам, школьным и автономным республик. На выставке будут представлены и история, и самые интересные материалы. Потому сейчас мы очень много работаем со старыми подписчиками пионерских газет.

В день юбилея «Пионерской правды», 6 марта, выйдет юбилейный выпуск нашей газеты. Она будет очень большой — в 5 гатанских листов. Затою очень много. Это погратились нами самые активные юнiores — Наташа Черненко, Лариса Самолова, Надя Соколова, Наталья Ковалева и Евгений Попов.

Состоится и читательская конференция, посвящённая славному 50-летию. Подготовка к ней уже началась.

И ещё мы хотим посадить «пионерскому аллею». В ней будет 50 деревьев. Сейчас думаем, обсуждаем, спорим и идем, какие это будут деревья? Осенью мы уже посадили десять деревьев. Нам поможет создать «Аллею-50» товарищ Сгибнев из Горнозаводска.

Кружок юнiores «Алмаз».

Свердловская область, г. Нижний Тагил, городской Дом пионеров.

— Что-то ты очень быстро книжку возвращаешь, неужели успел прочитать? — подмигивает над Водной Оля Баркова. Оля селюхи библиотекарь. За час, отведённый для 6-го «В», она успел и книжку своим одноклассникам «взбить», и поговорить, что прочитать, и почитать.

Такой уж у них в школьной библиотеке порядок — каждый класс сам себя обслуживает. Вместе с Яной Яновной, заведующей библиотекой, ребята готовят сейчас стеновые «Рады жизни на земле», «Орден а твоей маме». А в День Победы устроят для жителей близлежащих домов большой праздничный концерт.

Фото В. ГУСЕВА.

Москва, школа № 7.

К ДРУЗЬЯМ В ИНДИЮ

По Индии путешествует выставка «Советская модель». Экспонаты сделаны руками советских школьников и студентов. Из Дели выставка переехала в Калькутту, а сейчас с ней знакомятся жители Мадраса.

Индийские ребята очень заинтересовались работами своих сверстников из Советского Союза. Они с восхищением рассматривают модель «Луноход-1», расспрашивают экскурсовода, как работал на Луне настоящий луноход. Многие даже не верится, что действующая модель создана школьниками из города Чандигарх.

Панорама «Космическая эра» со слана свердловскими юными техниками. Это фантастическое представление — возможность жизни на далёкой необитаемой планете. «Космическая эра» — действующая модель. Грозное животное двигается, кажется, вот-вот нападет

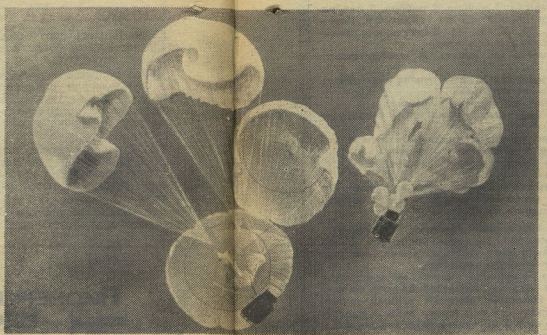
на космический корабль, но в этот момент двери корабля открываются, выходит космонавт. Животное школьник бурно раждает воображение индийских ребят. Они придумывают свои истории, объясняют содержание этой модели, и рассказывают их советским экскурсоводам.

Маленькие жители Калькутты поделку стояли возле модели нового, самого большого в Советском Союзе со стальной рамы отступают... Вымысел советских школьников бурно раждает воображение индийских ребят. Они придумывают свои истории, объясняют содержание этой модели, и рассказывают их советским экскурсоводам.

Маленькие жители Калькутты поделку стояли возле модели нового, самого большого в Советском Союзе со стальной рамы отступают... Вымысел советских школьников бурно раждает воображение индийских ребят. Они придумывают свои истории, объясняют содержание этой модели, и рассказывают их советским экскурсоводам.

И. ГЛУШИЦОВА, экскурсовод-переводчица выставки «Советская модель». Фото автора.

ЭТОТ РЕШАЮЩИЙ МИГ

«24 октября (1920 года) Революсовет Южного фронта в обращении к войскам писал, что наступил час решающего боя, и призвал их выполнить свой долг до конца, уничтожить последнего ставленника Антанты — Врангеля. Из истории гражданской войны в СССР».

РАССКАЗЫВАЕТ УЧАСТНИК БИТВЫ ЗА КРЫМ АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВНА ЯНШЕВА.

Наша 15-я стрелковая дивизия стояла на очень важной позиции — на Хаксовском плацдарме. Отсюда готовился штурм укреплений болгарардевцев. Все силы Врангеля были сосредоточены на Крымском полуострове.

Я была начальником политотдела дивизии в двадцать два года. А до этого у нас комиссаром был товарищ Яншев Михаил Петрович — мой муж. Он погиб в июне 20-го в районе Запорожья.

Проводим мобилизацию прямо в сёлах. Самое большое звание у нас было обращено на ликвидацию безграмотности. Такая была директива партии, товарища Ленина.

От командующего Южным фронтом товарища Фрунзе получаем приказ сменить дислокацию. Располагаемся в районе деревни Строгановки. Это как раз на берегу залива Сиваша.

Враг готовился встретить советские войска на узком переходе в районе Перепела. Он никак не мог предположить, что мы пойдём в обход, через Сиваш. Пойдём в пятидесятиградусный мороз по жидкой грязи, покрытой ледяной коркой. Это же первая пойдёт через Сиваш, какая часть? Кто-то нужно срочно послать. А вот! Коммунистов! И вот товарищ Фрунзе говорит: надо организовать коммунистический отряд и взять передовых комсомольцев.

Отряд собрали очень быстро. Переход был назначен в ночь с 7 на 8 ноября. В штабе стали решать, кто пойдёт комиссаром отряда. Встаю во фронт перед командующим: — Товарищ командующий, с отрядом пойдут я!

Михаил Васильевич в меня посмотрел: — Товарищ Шура, это же женское дело.

Он боялся, что я совсем тут завяну или простуюсь. Меня так это обидело. Что значит «женское дело»? Я говорю:

— Товарищ командующий, я — начальник полтотдела и отряд без себя не пущу!

Михаил Васильевич пожал мне тогда крепко руку: «В добрый путь!»

Спустился к Сивашу. Шёл по дню. Сначала почва была крепкая. Потом стала попадаться яма: ледяная вода временем подступала к горлу. Виточки, пулемёты несли над головой. Идёшь тихо-тихо. Туман. Чуть кто плещется в воде, вразглаголет тут же начинаешь шарить по залужу прожекторами. Нас спасал туман.

На рассвете враг заметил нас и стал поливать пулемётным огнём. Из воды мы выбиралась с боем. Рядом со мной упал пулемётчик. Пулемёты у нас считались много веда на себе не перенесёшь. А я ещё девчонкой хорошо стреляла — в гривенник попадала. Отец у меня охотник был. Взяла я ручную пулемёт и вступила в бой. Разгорячилась тогда. Видею по толпе, как бойцы побежали. Один бегом, слышу, заголосил: «Большевики лезут из болота, как черти...»

Вышел наш отряд на задание в количестве двухсот селадести человек, в остальном нас после высадки с боем на берег около сошедшего. За нами уже наступали части. Вдвесьте мы пошли на Литовский полуостров, в округ укреплений. А с фронта на врангелевцев обрушилась конница Будённого и Ворошилова.

Бьёшься на Литосском. А надо сказать, что двадцатидеять человек сюда я оставила на том берегу Сиваша: не во что им было обуть. Бьёшься, значит, а один пулемётчик и говорит мне:

— Товарищ командир, кто-то в залужу нам идёт.

Матюшки, это мон босней! Не утерпили всё-таки, пришли биться в свою часть.

На всю жизнь врезалась мне в память переход через Сиваш. Я только и думаю тогда, чтобы никто не струсил. И когда мои солдаты бросились на оковы врага, у меня такое было радостное ощущение — не ошиблась я в этих людях. Никто не пошёл.

10 ноября Крым был взят. Михаил Васильевич Фрунзе в этот день со станции Джанкой по проводу сообщил Ильичу, что Крым взят, беглые бегут, тонут в море.

Казалось, гитлеровскому генералу Дитлу было известно, что 205-й полк русских лишился своего командира. Именно в то время, когда не стало командира полка, генерал решил слить 205-й, преградивший подступы к Мурманску.

На рассвете под покровом тумана в тыл полка был послан отборный отряд горных стрелков. Полторы тысячи стрелков. К вечеру командир горнострелкового корпуса генерал Дитл мог уже повести отряд своей операции. 1215 его вои не вернулись.

Немного позже красноармейцы и командир чина в «Браской завед»: «Геройский 205-й стрелковый полк одобрил все полки на новые подвиги». Перечислились имена тех, кто творит героические поступки.

Первым из них был назван комиссар Иванникова Анастасия Капитоновна. Того самого, который заменил временно командира и руководил местными боям в июле 41-го.

Иванникова бывал под огнём. Однако сейчас он полагает: всё, что пережили и испытали, было как бы подоготовкой к одному — его будущему сражению.

«Враг шёл лавиной. И не считался с потерями, предпринимая побегу. Ему удалось пролунуть в тыл, и его стартовали в основном тыловики: взрывные, радисты, водители машин, хозяйственники, музыканты, рота курсантов. Иванникова составил из тыловиков два отряда, поручил командовать им лейтенантам Демину и Спелуцину.

Лощина, где развернулся бой, словно превратилась в огненный котёл: сворачивал белым пламенем, клубился дымом. Туман смешался с пороховой гарью.

Но комиссар спокоем. Его выдержка сейчас как бы достигала всего полка. Именно у комиссара есть черта: он не сдается ни в какой ситуации.

На высоте, ставшую командным пунктом, упал снаряд. Враг, напротив, Под нашим боем откатывается назад, но какая-то дьявольская сила снова и снова толкает гитлеровца в сторону наших позиций. Наканулись стволы пушек, дула винтовок и автоматов. В ход уже пуцаны штаны и приклад. Комиссар знает: человек, упоенный рукопашной статкой, не чувствует уже страха. Для него враде бы не существует опасности. Но командир нехотеть терять хладнокровия.

В бою воинское состояние нередко решает одна минута. Одна минута... И командир обязан использовать решающий момент.

Противник, силы которого были на исходе, потеснил всё-таки отряд Демина и занял удобную для себя позицию. Комиссар попытался маленькое замешательство — и всё может сорваться.

Он призвал начальника штаба временно руководить боем, а сам взял винтовку и побежал к бойцам.

— Товарищи! — Он боится, что его голос утонет в страшном грохоте. — За мной, товарищи!

И услышал в ответ дружные «Ура!», сладостное, волнующее, как музыка. Справа и слева бежали кричащие красноармейцы. Один в белом повязком колпачке бросил гранату и словами бы сам устранился за ней.

Ещё один, богатыйского роста, повзвонил с комиссаром. Боец был ранен в ногу, помогал себе винтовкой, как костылем. Он размаивал гранатой и кричал:

— С нами комиссар, ребята! За Родину!

Иванникова и раньше слышал, проносили сам эти призывные, казалось бы, слова. Но сейчас они гремели, словно только что рождённые. За Родину!

И в вечеру была слыта последняя вражеская атака. Безмятежно тогда-то позицию недалеко от реки Западной Лицы называвший частью дальной Героев.

4 МИНУТЫ ПОЛЁТА

Самолёт зашёл на очередной круг. Обжигаящий холодом ветер вёл в открытые лица Отпущенца и пилотов. Сосредоточенные лица десантников. — Пошёл!

...В 4 ЧАСОВ 4 МИНУТЫ... Под ногами пуста. Кажется, автомат, тяжёлый вещмешок, сапёрный папачка ничего не весит... Секунда... Другая... Рывок.

И раскрылся огромный купол парашюта. Порядок... Как сказочно красива сверху земля! Лёд на озере синий-синий. Жёлтые восты дымок над деревней. Через четыре минуты будет под ногами земля.

...В 4 ЧАСОВ 3 МИНУТЫ... Николай почувствовал, как в лицо ударила сильная струя ветра. Земля внизу пошатнулась, и игривая дымка поднялась на дыбы. «Заносит» — мелькнуло в голове. Сильно втравил стропы. Ещё... Сильнее... Ещё! Пошёл!

Николай поднял голову. Кто за ним следом прыгал? Рядовый Вавилов. Так! Говорю: томе попал в этот сильный поток ветра. Ну, Вавилов, не подкачай...

Накануне Вавилов у Николая совета просил: хочет поступить в училище стать политработником. Засиделся «домиком». Вавилов рассказывал о себе, о дедушке. Один дед у него с Кольчаким сражался в Иркутской дуге... Чувствуется в этом парни сила. Недаром его ребята в комитет комсомола избрали...

Ну, гвардеец Виталий Вавилов, ит! сильнее ты или ветер? Ты должен знать солдатское дело лучше других, если решил стать политработником... Держись, вёрь мы с тобой землякми-сибиряки!

...В 4 ЧАСОВ 6 МИНУТ... Парашют плавно летит к земле. Николай немного расслабил руки.

Двадцать шестой прыжок. А у некоторых солдат в роте сегодня третий. Вылетели полки у каждого, кто не на первом, а на пятом или шестом прыжке вдруг страх появляется. И у Николая такое было. Конечно, вду он не попал, только попорчился прыгать ночью. Опустился в бездну, не видя земли. Это страшнее, чем днём. Николай поборол свой страх.

Иначе чего же тогда будут стоить все эти разговоры с солдатами, всякие слова о подвиге, о традициях гвардейской части, если сам спасаешь!

Сегодня учениа. В учении — как в бою. Как в грозные годы минувшей войны, всегда впереди были политуры. Чтобы в грозном бою за тобой поднялись в атаку другие, чтобы, как и ты, встали в полный рост, нужно быть не только смелым. Нужно быть убеждённым и любить других, что самое важное сидит на земле — Родина, что самое гордое имя — коммунист. А в этом убедить можно только делом. Тогда за тобой пойдут...

...В 4 ЧАСОВ 7 МИНУТ... Ветерок покачивает парашют, словно лодку. Мороз щёки пощипывает. Николай осмотрелся. Под ним — и справа, и слева — пылики к земле белые парашюты. Молодцы, все к леду прыг... Э-э, в одного-то вон заносит. Этот точно в озере испуцается. Ничего, не прыгнет. Десантники — парни закалённые, самбисты, разрядники. Только подползть тому парню придётся добрый путь километра, да при полной выкладке, да с парашютом... Зато мальчишки из деревни будут довольны. Вон уже бегут точечком. Наверное, на лыжах. В отпус долой поеду — надо будет у матери спросить, кому она мои лыжи отдала. Как в армии слушать ушёл, так она весь спортивный инвентарь с унцира раздала. А пакеты были подаренные.

На соревнованиях в области на приз «Пионерки» получил. За то, что волею к победе толкал точечком. Команду школы на первое место вывели, ребята-выпускники дали им рекомендацию в комсомол...

Опять парашют стоит заносит. Сколько ещё до земли! Метров двести...

А мороз сегодня знатный. Наверное, в Шахтёрском морозы летуют Сибирские. Вспомнил, как на угольном карьере от мороза стометровая стрела экскаватора полинула. Он, Николай, тогда уже шофёром на угольном карьере работал по стопам отца пошёл. Подняла Николай в ту морозную ночь комсомольцев, и к утру починили они экскаватор...

Покрутить бы баранку, как в армии, когда ещё солдатом служил... Ценна, хлебный зной над землёй. Небывалый урожай. Солдаты убирать помогаю. Об этом у Николая в рекомендации было написано, когда его в партию принимали...

Земля уже совсем близко. Вон она, кружится бёрёзовая. Слово из белого ружья. А деревню уже за лесом не видно, только жёлтые дымки вылетят. Тепло, наверное, там, а хата. Ходили тунют...

Ради этой тишины, ради тех мальчишек, которых точечками видел он с высоты, и ради тех, кого водил в зарничные атаки, встал из гвардейской вота ин свет ин звёра, поднялся в воздух на самолётах и с неё ринулся вниз на белых парашютах. Все прыгал сегодня в роте. Даже повара. Это были учениа. Это воинские долг перед Родиной...

ЗЕМЛЯ! Погас парашют. Сейчас Николай Кичкин сложит его аккуратно и уедет в часть. Вечером он будет читать солдатам лекцию, а ночью, когда все уже лягут спать, он будет читать книги по военной технике. Будет учить детей, потому что солдаты просидели его прочесть их на вечеру.

...В 4 ЧАСОВ 7 МИНУТ... Ветерок покачивает парашют, словно лодку. Мороз щёки пощипывает. Николай осмотрелся. Под ним — и справа, и слева — пылики к земле белые парашюты. Молодцы, все к леду прыг... Э-э, в одного-то вон заносит. Этот точно в озере испуцается. Ничего, не прыгнет. Десантники — парни закалённые, самбисты, разрядники. Только подползть тому парню придётся добрый путь километра, да при полной выкладке, да с парашютом... Зато мальчишки из деревни будут довольны. Вон уже бегут точечком. Наверное, на лыжах. В отпус долой поеду — надо будет у матери спросить, кому она мои лыжи отдала. Как в армии слушать ушёл, так она весь спортивный инвентарь с унцира раздала. А пакеты были подаренные.

И. АФАНАСЬЕВ. (Наш специальный корреспондент).

ва — пылики к земле белые парашюты. Молодцы, все к леду прыг... Э-э, в одного-то вон заносит. Этот точно в озере испуцается. Ничего, не прыгнет. Десантники — парни закалённые, самбисты, разрядники. Только подползть тому парню придётся добрый путь километра, да при полной выкладке, да с парашютом... Зато мальчишки из деревни будут довольны. Вон уже бегут точечком. Наверное, на лыжах. В отпус долой поеду — надо будет у матери спросить, кому она мои лыжи отдала. Как в армии слушать ушёл, так она весь спортивный инвентарь с унцира раздала. А пакеты были подаренные.

На соревнованиях в области на приз «Пионерки» получил. За то, что волею к победе толкал точечком. Команду школы на первое место вывели, ребята-выпускники дали им рекомендацию в комсомол...

Опять парашют стоит заносит. Сколько ещё до земли! Метров двести...

А мороз сегодня знатный. Наверное, в Шахтёрском морозы летуют Сибирские. Вспомнил, как на угольном карьере от мороза стометровая стрела экскаватора полинула. Он, Николай, тогда уже шофёром на угольном карьере работал по стопам отца пошёл. Подняла Николай в ту морозную ночь комсомольцев, и к утру починили они экскаватор...

Покрутить бы баранку, как в армии, когда ещё солдатом служил... Ценна, хлебный зной над землёй. Небывалый урожай. Солдаты убирать помогаю. Об этом у Николая в рекомендации было написано, когда его в партию принимали...

Земля уже совсем близко. Вон она, кружится бёрёзовая. Слово из белого ружья. А деревню уже за лесом не видно, только жёлтые дымки вылетят. Тепло, наверное, там, а хата. Ходили тунют...

Ради этой тишины, ради тех мальчишек, которых точечками видел он с высоты, и ради тех, кого водил в зарничные атаки, встал из гвардейской вота ин свет ин звёра, поднялся в воздух на самолётах и с неё ринулся вниз на белых парашютах. Все прыгал сегодня в роте. Даже повара. Это были учениа. Это воинские долг перед Родиной...

ЗЕМЛЯ! Погас парашют. Сейчас Николай Кичкин сложит его аккуратно и уедет в часть. Вечером он будет читать солдатам лекцию, а ночью, когда все уже лягут спать, он будет читать книги по военной технике. Будет учить детей, потому что солдаты просидели его прочесть их на вечеру.

...В 4 ЧАСОВ 7 МИНУТ... Ветерок покачивает парашют, словно лодку. Мороз щёки пощипывает. Николай осмотрелся. Под ним — и справа, и слева — пылики к земле белые парашюты. Молодцы, все к леду прыг... Э-э, в одного-то вон заносит. Этот точно в озере испуцается. Ничего, не прыгнет. Десантники — парни закалённые, самбисты, разрядники. Только подползть тому парню придётся добрый путь километра, да при полной выкладке, да с парашютом... Зато мальчишки из деревни будут довольны. Вон уже бегут точечком. Наверное, на лыжах. В отпус долой поеду — надо будет у матери спросить, кому она мои лыжи отдала. Как в армии слушать ушёл, так она весь спортивный инвентарь с унцира раздала. А пакеты были подаренные.

На соревнованиях в области на приз «Пионерки» получил. За то, что волею к победе толкал точечком. Команду школы на первое место вывели, ребята-выпускники дали им рекомендацию в комсомол...

Опять парашют стоит заносит. Сколько ещё до земли! Метров двести...

А мороз сегодня знатный. Наверное, в Шахтёрском морозы летуют Сибирские. Вспомнил, как на угольном карьере от мороза стометровая стрела экскаватора полинула. Он, Николай, тогда уже шофёром на угольном карьере работал по стопам отца пошёл. Подняла Николай в ту морозную ночь комсомольцев, и к утру починили они экскаватор...

Покрутить бы баранку, как в армии, когда ещё солдатом служил... Ценна, хлебный зной над землёй. Небывалый урожай. Солдаты убирать помогаю. Об этом у Николая в рекомендации было написано, когда его в партию принимали...

Земля уже совсем близко. Вон она, кружится бёрёзовая. Слово из белого ружья. А деревню уже за лесом не видно, только жёлтые дымки вылетят. Тепло, наверное, там, а хата. Ходили тунют...

Ради этой тишины, ради тех мальчишек, которых точечками видел он с высоты, и ради тех, кого водил в зарничные атаки, встал из гвардейской вота ин свет ин звёра, поднялся в воздух на самолётах и с неё ринулся вниз на белых парашютах. Все прыгал сегодня в роте. Даже повара. Это были учениа. Это воинские долг перед Родиной...

ЗЕМЛЯ! Погас парашют. Сейчас Николай Кичкин сложит его аккуратно и уедет в часть. Вечером он будет читать солдатам лекцию, а ночью, когда все уже лягут спать, он будет читать книги по военной технике. Будет учить детей, потому что солдаты просидели его прочесть их на вечеру.

...В 4 ЧАСОВ 7 МИНУТ... Ветерок покачивает парашют, словно лодку. Мороз щёки пощипывает. Николай осмотрелся. Под ним — и справа, и слева — пылики к земле белые парашюты. Молодцы, все к леду прыг... Э-э, в одного-то вон заносит. Этот точно в озере испуцается. Ничего, не прыгнет. Десантники — парни закалённые, самбисты, разрядники. Только подползть тому парню придётся добрый путь километра, да при полной выкладке, да с парашютом... Зато мальчишки из деревни будут довольны. Вон уже бегут точечком. Наверное, на лыжах. В отпус долой поеду — надо будет у матери спросить, кому она мои лыжи отдала. Как в армии слушать ушёл, так она весь спортивный инвентарь с унцира раздала. А пакеты были подаренные.

И. АФАНАСЬЕВ. (Наш специальный корреспондент).

ПОЧЕМУ МАХНАЗ НЕ ХОДИТ В ШКОЛУ?

Впервые с иранскими школьниками я познакомился во время поездки по стране вместе с моим отцом-журналистом. Это были мы с отцом из Тегерана в Эрак, где при содействии наших специалистов сооружался крупный машиностроительный завод. Около старинного городка Саве мы свернули в сторону от основной автодороги. Рядом оказался школа. Нас окружила толпа ребят.

— Как жизнь? — спросила я бойкого мальчишку, который подбежал к нам первым.

— Получил пятёрку! — ответил он.

— И было стал его поздравлять Барикалла (Молодец).

Вокруг зашевелились: — С чем ты его поздравляешь? Он же получил самый низший балл.

— Какой же высший? — удивился я.

— Двадцати? — ответили ребята.

— А у нас разве не так? Мы обратили внимание, что сре-

ди окружающих нас ребят была только одна девочка.

— А где же твои подружки? — спросили мы её.

— Пусть Вехруз скажет, почему его сестра не ходит в школу, — потонула она за рукав асгеничового мальчишка.

— А её мама не пускает. Говорит, что Махназ уже большая и ей в школе делать нечего. Пусть по дому помогает...

Тут к нашей беседе присоединился учитель в солдатской форме. Примерно десять лет назад в Иране не началось кампания по ликвидации безграмотности. Очень не хватало учителей, и правительство стало посылать в отдалённые селения призывников, имеющих среднее образование, чтобы они организовывали школы и учили ребят.

Вот что рассказал нам учитель-солдат: — К сожалению, некоторые крестьяне по сих пор находят лав влиянием старых обычаев и счита-

ют, что девочке учиться совсем не обязательно. Главное для неё — поскорее выйти замуж и заняться домашним хозяйством.

Я узнал, что недавно в Иране введено обязательное бесплатное восьмилетнее обучение. Для тех же, кто хочет закончить двенадцать классов средней школы и поступить в вуз, государство предоставляет кредит. Но студентам, как у нас, а именно кредит, то есть зём.

«Прощаясь с Вехрузом, Асаром и другими ребятами, я спросил: — Передай привет всем детям нашей страны!»

Энерг АХМЕДЯЗОВ.

КТО ТАКОМ ПРАВОФЛАНГОВЫЙ?

Дружина имени Сергея Лазарова 25-й школы города Омурга носит звание правофланговой. Почему?

Идёт урок математики. Учитель объясняет, ученики слушают, кто не ведёт. Только, помолчу, чуть внимательнее слушаю, чуть аккуратнее готовлюсь к занятиям. Помнит ребята: учёба их главный труд.

После звонка никто не торопится по домам. Дел хватает. Тимуровцы мнут и подвигаются (а когда подшеивая такой интентивный человек, как Екатерина Тарасова, Руфановича, по поручению становится просто удальством).

Собраться ребята на репетируют новый номер для очередного выступления и не решают концерта. Собраться ребята на репетируют новый номер для очередного выступления и не решают концерта. Собраться ребята на репетируют новый номер для очередного выступления и не решают концерта.

Дружка ребята с рабочим заводом «Сантехзаготовка». Приглаждает их на сборы на все свои торжества. И сами часто приходят в цех, чтобы увидеть работу, чтобы поговорить с рабочими — тогда легче писать странички в журнале.

В общем, хорошо живут пионеры в дружине. Интересно. Фотографию что светит свой дела по Маршу «Всегда готов!».

Фотокорреспондент нашего специального корреспондента А. АЛУШБИНА.

БАВКАЛА

Он вспомнил, как отец давно он устал и разболел колени. Ревел тогда на весь двор, что сумал, что сломал ноги и не может встать. Взяла его на руки — большое шестилетнее мальчуган! — и пошла. Она несла его, а он ревел, хотя нога болела уже не так сильно. И ничего он не слышал. Он ревел, а она шла. Он был толстый, «жирный» — поедая пассажирских, и бабушке было тяжело нести этого «покаса». Но она несла его в охапке, прижимая к себе. Дома ей стало нехорошо. Она прилегла, он заглянул плечом мамкой и забыл про свою колени.

— Не больно? — спросила с дынами бабушка. Дома ей стало нехорошо. Она прилегла, он заглянул плечом мамкой и забыл про свою колени.

— Больно!

Мерзким он был парнем в детстве, вспомнить тошно!

Потом ему надоел плетешей медведь, он подошел к дыну. Бабушка тяжело дышала, лицо её было невыпрямно бледным. Над верхней губой выступили бесприники пота. Даже он заметил это.

— Ты что, Бавкалла? — спросил он.

— Ничего... Вот вырастешь большой, полюбишь себя в большом, тогда мне станет плохо.

— Почему? Ответил маленький Шаров, а сам подумал: «А зачем носить, есть машины с красными крестами... для взрослых...»

СЕИМАС он шел быстро, словно боялся опоздать к отходившему поезду. Вдруг он прыгнул на спину улитку, а там ни бабушки, ни дыны, никого, отощал поезд.

На углу, возле сквера, он наткнулся на родителей. Они шли рядом (папа держал маму под руку), смущенные, обремененные сумой.

— Мама!

— Это ты? Где ты был? — Мама смахнула на лице слезы на ресницы снежинок и в удивлении посмотрела на сына.

— Ходил в антеку.

— В антеку? — удивилась мама. — Зачем... в антеку?

— Бабушкины каллы голова.

— Родители переглянулись.

Так они стояли в водвороте метель, словно сбившие с пути и не зная, в какую сторону поехать.

— Ну, хорошо, — сказал отец. — Иди домой. Мы скоро вернемся.

Возле дыны юный Шаров встретил соседа. Выпавший ледяной гулели с неокореной головой, и его белые волосы переменивались с хлопьями снега.

— Юный Шаров, знаешь ли ты, что сегодня солнечно? — сказал сосед. — День прибавится на одну минуту.

В хлопьях снега сосед был похож на древнего жулика.

— Мальчику было не до солнечно. Он ничего не ответил. Зашагал дальше.

— Что-нибудь случилось? — вслед ему крикнул Иван Рыжко.

— Случилось! — ответил мальчик, и сердце его соскакало.

Он тихо отворил дверь и вошел в бабушкину комнату. Горел слабый свет. Бавкалла лежала в постели с закрытыми глазами. Стараясь не наступать на скрепящуюся подушку, он подошел к овальному столику на одной ноге покое и поставил неудобный пузачек с каплями рядом с блодочником, на котором лежала пилюлька. Он открыл бабушкину комнату и неожиданно почувствовал, что комната сама по себе очень дорога ему. Помимо плетешего дына с зелеными кисточками, стола на витой ножке, в комнате висела картина Исаака Ильича, венских стульев со спинками, изюмником, как трамвайная дына. Потертое кресло, тесьма с кисточками. Большой комок зеленого дерева.

Юный Шаров знал, что в вершине ликуля комода хранится огромный лоскуток боевого знамени. Его привнес с войны дедушка. Он ворвался в охваченный пламенем близняк, где все было в прямом смысле слова сгорело, и вынес горючие полковые знамя...

— Когда мальчик пришел на спору опаленную старичку знамен, ребята с замрирающим сердцем выслушали его и заговорили Шарову. Ведь это его дедушка спас знамя!

А Бавкалла никакого знамени не спасала, но в годы войны она выжила своего маленького сына — буднично и просто. В октябре, а после вынесла его из осаждаемого Ленинграда по Ладожскому озеру, прикрывая собой от фашистских осколков и ледяного ветра. В незнакомой Костромской области работала в колхозе, а после работы еще косила сноса и менила его на молоко. На кружку молока для сына! Про все местные говорила: «Ты, Клавдий, хит и гордый сын! Но попухляк!» А она не была дедушкиной, ведь вполочила распухшие ноги, но шла.

— Опадевши. Начало см. «Иностранскую правду» № 12—13.

Шла, как созданы идут в бой. Если бы не эта кружка молока, сын бы не выжила... Отец часто вспоминает корошу Милку, которая поила его молоком в голодные военные годы. А юный Шаров шьет молоко не от коровы, а из машины. Обрезает утюжок картонной пирамидки пошпианной и шьет сылками хоп...

МАЛЫЧКИ посмотрел на Бавкалла и подумал: как можно так долго не дышать, не хотеть есть, ничего не видеть и не слышать, лежать неподвижно? Он вдруг испугался этой неподвижности. Вспялся его устал на старые стеленные часы. Две большие латуные ноги лежали на полу, а матинок замер... Юному Шарову было настолько запрещено заводить часы, потому что однажды он сорвал гирию и из неё посыпалась дробь. Бавкалла долго позвала по полу, собирала дробинки, а он помогал ей, но зато дробинки клял себе в карман...

Собаче надо было разругнуть эту неподвижность! Пусть хоть матинок дышит, прищипкивает, шагает.

Он подошел к стене, встал на колено, потянул цепь. Тряп оторвался от земли и, как палое седро из колодца, тихо поплыла вверх. Малычок перевел дух и поднял вторую гирию. Потом ленько подтолкнул матинок — и белые осилки, заходящи, торжески наверх стали уничтоженые время.

Юный Шаров повернул голову. Бабушка спала. Не увидела, как он, вопреки запрету, зашел в дом. Не услышала хода часов. Спала...

— Малышка, захотелось позвать ее? «Вставай! Опоздаешь!»

Куда опоздает Бавкалла? Убирать за ним

ботинки? Подогревать суп и котлеты? Мыть посуду?

Часы захрипели, откашлялись и начали бить. Они били гулко и так, как покакалось юному Шарову, несессе. Часы проносились. Ожили. А Бавкалла спала...

И тут юный Шаров совершенно серьезно подумал, что жизнь в доме остановится, если бабушка не протретется. Остановится, как часы, у которых кончился завод. Ему никогда и в голову не приходило, что можно жить без неё. Она была чем-то насущным и вечным, как воздух, дына, солнце, хлеб. Она была тем вечным двигателям мусор, варила обед, стирала белье, гладила брюки, чтобы не было пузачей на коленах. Делала множество больших и малых дел. И всё это — руками бабушки. Сердце Бавкалла не только разогнала кровь по старым жилкам, но и обогревало дом, делало его жилищем.

Он наклонился над бабушкой и заглянул ей в лицо. Бабушкино лицо было такое же, как всегда. Приветливое. Спокойное. Виноватое.

— Малышка, может быть, бабушка чувствует себя виноватой, что лежит слома руки и не может макорить вывуха, пострелит ему безудно грязную... Может быть, бабушка чувствует себя виноватой, что лежит слома руки и не может макорить вывуха, пострелит ему безудно грязную...

«Не может... подумал ввух, — и никогда не сможет. Никогда...»

Иногда Это обычное слово гудит налившее синичкой туповато, стало жестким, лепидным.

И всё больше мальчик дуло о нём, тем страшнее становилось это слово... Можно подождать день, неделю, год. Несилько жить можно подождать. А если ждать всю жизнь, и не дождаться? Может быть, лучше совсем не ждать?

Не ждать, что завтра утром бабушкина дына будет острожно тратети за плечо... Кто же поднимет его, если не будет своей руки? Никто. И он будет спать вечно. Как Бавкалла сейчас.

Когда Шаров ещё не был юным, а был первоклассником (он теперь с усешкой вспоминает это время), то начал впервые ставить число в

тетради. Он писал: 1 ноябрь, 2 ноябрь, 3 ноябрь. Так дошел до двадцатого, до тридцатого. И пошел дальше: 31, 32, 33, 34. Учительница заметила, отащила его. Скакала: — Твух чисел не бывает. В ноябре только 30 дней!

Он очень оторчился. Ему нравилось писать числа всё дальше и дальше.

Приди домой, он спросил у бабушки: — Почему не бывает тридцать четвертое ноября?

— В ноябре тридцать дней, — ответила бабушка, — а в декабре будет тридцать один.

— А когда будет тридцать четыре?

— Никто.

Так он впервые услышал слово «никогда». Он не понял его и про себя подумал: «Когда-нибудь да будет... тридцать четвертое».

ТЕБЕШЬ в бабушкиной комнате он впервые задумался как трудным значком слова «никогда», и оно слилось с другим таким же трудным словом «бесконечность».

«Всё имеет начало и конец, — рассуждал юный Шаров, — а как же небо? Должен быть у неба конец! Наверное, высокий тёмный купол, усеянный звездами, и есть конец неба. А что же за этим куполом? Ещё один купол, побольше!»

Так он создал свою модель Вселенной. Она напоминала деревянных матрешек: маленькая вставлялась в большую. Сколько же во Вселенной таких «матрешек»? Сто? Тисячи? Миллион?

Но ведь до конца этой бесконечности «матрешек»? А что за последние? Люб покрывала испариной. Голова гудела. Юный Шаров никак не мог постичь своим умом бесконечность.

А потом он узнал о «чёрных дырах» Вселенной. Эти дыры, как водоотсос, засасывают пролетающие метеориты и дучи соседних звёзд. А один удивный след предположение, что «чёрные дыры» коридоры, ведущие в алтарины.

Мыры наоборот. Там время движется назад. И если у нас люди стареют, то в этих «мирах» наоборот: старые становятся молодыми, потом превращаются в детей, потом... Если бы Бавкалла побывала в таком мире, а потом вернулась бы помолодевшей...

Так рассуждал юный Шаров, борясь со страшным. Былеще, будто поднимал тяжести. Потом его взгляд упал на пузачек с глазами каплями, и он неожиданно заплакал.

Всю жизнь он обвинял других: родителей, учителей, товарищей... Но больше всего доставляло Бавкалле, Прикрываясь на неё, грубил. Надувался, ходил недовольный. Сегодня он впервые взглянул на себя со стороны, другими глазами. Какой он, оказывается, черствый, грубый, невнимательный. Опоздал, а то и вовсе не заходил в антеку. Вот и сегодня принёс капли с опозданием.

ЗАЗВОНИЛ телефон. Юный Шаров вздрогнул. Морщась, как от боли, нехота пошёл к телефону. Трубка оказалась непривычно тяжёлой.

— Я слушаю.

— Клавдию Иванову можно?

Этот голос, как ему показались, добрый и весёлый, вознесся из другого мира, где никто не умер, где всё в порядке. У мальчика не хватило сил сказать то, что есть. Он мучительно думал, как избежать чалного больно слова «умер».

— Кто ты мальчишка? — послышалось в трубке.

— А кто нет, — выдал из себя юный Шаров.

— А когда будет?

— Никогда...

— Ты несешь, — послышалось в трубке, и сразу бы-би-би.

Всплеск, благополучный мир отключился, умчался вдаль, несёло быфика.

«Она умерла, когда её задуло, но пока хоть одно сердце помнит её, она жива», — неожиданно подумал мальчик. Эти слова сами всплыли в память. Память бросила их ему, как спешательный курт. Она жила, хотя её жизнь движется от него, от его сердца. Он должен жить не только для того, чтобы ходить в школу, гулять на коньках, смотреть по телевизору хоккей. Он должен жить, чтобы не пропустить самого главного — заведёть часы в бабушкиной комнате и хранить лоскуток полкового знамени. Он должен жить, чтобы нести людям то, чему его незаметно научила Бавкалла. Жить для людей.

— Я слушаю.

— Клавдию Иванову можно?

Этот голос, как ему показались, добрый и весёлый, вознесся из другого мира, где никто не умер, где всё в порядке. У мальчика не хватило сил сказать то, что есть. Он мучительно думал, как избежать чалного больно слова «умер».

— Кто ты мальчишка? — послышалось в трубке.

— А кто нет, — выдал из себя юный Шаров.

— А когда будет?

— Никогда...

— Ты несешь, — послышалось в трубке, и сразу бы-би-би.

Всплеск, благополучный мир отключился, умчался вдаль, несёло быфика.

«Она умерла, когда её задуло, но пока хоть одно сердце помнит её, она жива», — неожиданно подумал мальчик. Эти слова сами всплыли в память. Память бросила их ему, как спешательный курт. Она жила, хотя её жизнь движется от него, от его сердца. Он должен жить не только для того, чтобы ходить в школу, гулять на коньках, смотреть по телевизору хоккей. Он должен жить, чтобы не пропустить самого главного — заведёть часы в бабушкиной комнате и хранить лоскуток полкового знамени. Он должен жить, чтобы нести людям то, чему его незаметно научила Бавкалла. Жить для людей.

— Я слушаю.

— Клавдию Иванову можно?

Этот голос, как ему показались, добрый и весёлый, вознесся из другого мира, где никто не умер, где всё в порядке. У мальчика не хватило сил сказать то, что есть. Он мучительно думал, как избежать чалного больно слова «умер».

Рис. Ю. ЗАРЬЯЦКАНА